



← Старинный роман →





Анастасия
ТУМАНОВА



Сарыня уходит в табор



роман

Москва



2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
T83

Оформление серии С. Прохоровой

Ранее книга выходила под названием «Роковая красавица»

Туманова, Анастасия.

T83 Барыня уходит в табор : роман / Анастасия Туманова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Старинный
роман).

ISBN 978-5-699-96009-5

Весела и богата Москва конца XIX века: пышно гуляют купцы, шумно кутят дворяне. Им поет цыганский хор. Щедрой рукой бросают промышленники и аристократы под ноги цыганам подарки, деньги... Но всех удивил князь Сбежнев, посватавшись к одной из хористок, красавице Насте. И стала бы роковая красавица княгиней, да, на свою беду, влюбилась в нищего таборного цыгана Илью... Что теперь станется с ними и куда приведет их шальная судьба — один Бог ведает!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96009-5

© Туманова А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Вечер 6 июля 1878 года был теплым и тихим. Красное солнце опускалось за Серпуховскую заставу, и последние лучи гасли один за другим на далеких куполах Данилова монастыря. Шумные толпы людей и скота, заполнившие Серпуховку днем, сильно поредели: в Москву тянулся лишь припозднившийся соляной обоз и цепочка бого-мольцев, а из Москвы катилась, подпрыгивая на ухабах, одинокая пролетка. Она миновала разбитые телеги с солью, оборванную и загорелую толпу «божьих людей» и остановилась посреди пустой дороги. Извозчик обернулся к седоку:

— Глянь, Трофимыч, вон они — ваши. Приехали, вылезь.

В полуверсте от дороги, над скошенным полем, поднимались дымки костров, виднелись цыганские кибитки, полотна шатров. Оттуда доносились гортанные голоса, ржание, лай собак.

— Нашли где встать, голоштанники, — кивнул извозчик на полосатый придорожный столб. — Им тут и горка, и речка — ночуй не хочу. А завтра всем шалманом на Конную заявятся. Не ходил бы, Трофимыч... Загуляешь — ищи тебя потом, мучайся. Поехали лучше до дому, Трофимыч, а?

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА

Трофимыч, которому на вид было не больше тридцати, отмахнулся и легко, по-мальчишески выпрыгнул из пролетки. Он был невысок, широк в плечах, одет в новую черную пару, из-под которой виднелась голубая шелковая рубашка и тянущаяся по животу золотая цепочка часов. Котелок был лихо сбит на затылок, из-под него буйно ложились густые черные волосы.

Не сводя глаз с табора, пассажир протянул извозчику два гривенника.

— Держи. Завтра за мной приедешь. К нашим заскочи, скажи — в табор уехал. И того... нашим-то скажи, а Яков Васильичу — молчи. Понял?

— Чего не понять... — буркнул извозчик. — Не впервой. Ох, прости господи, вот гулящая душа... Не запей смотри!

— Не беспокойся, — донеслось уже с середины поля. Извозчик некоторое время не трогался с места, провожая глазами черный котелок, затем, кряхтя и поглядывая на темнеющее небо, принял разворачивать лошадей.

На пути пассажиру пролетки попалась девушка лет двадцати в красном, прорванном на локтях платье. Она ползала на коленях по скощенному жнивию, собирая в подол рассыпавшуюся картошку. Ее небрежно заплетенные волосы падали вниз, и было видно, как под тканью платья по-птичьи двигаются худые лопатки. Услышав шаги, она быстро, как зверек, повернулась всем телом. С некрасивого лица блеснули настороженные глаза. Пришедший остановился, улыбнулся.

— Митро?.. — Девушка, вскочив, всплеснула руками. Картошка посыпалась на землю. — Дмитрий Трофимыч! Митро! Ты? Ты?!

Барыня уходит в табор

— Я, девочка. Т'явес бахталы¹. Как ваши, все здоровы?

— А что им будет? Ай, да я побегу скажу! Вот радость-то! Радость какая! — Последние слова девушка выпалила уже на бегу, и вскоре ее красное платье мелькало у кибиток. — Ромалэ, ромалэ! — зазвенело над полем. — Митро явья!²

Усмехнувшись, Митро подобрал со жнивья несколько картофелин и пошел следом.

У стоящих полукругом шатров его встретила толпа: собрался чуть ли не весь табор. Цыгане сдержанно улыбались, шевелили кнутовищами скошенную траву, из-за их спин выглядывали босоногие женщины. Чумазые дети бесцеремонно рассматривали гостя.

— Т'явен бахталэ, ромалэ, — обращаясь ко всем сразу, степенно сказал Митро, замедляя шаг. — О, Ваня, Петька — здорово! Дядя Паша! Чтоб ваши кони сто лет сыты были!

Цыгане весело зашумели. К Митро протянулось сразу несколько рук, кто-то сунулся обнять, кто-то без обиняков пощупал золотую цепочку, одобрительно хмыкнув, кто-то во весь голос принялся распоряжаться:

— Эй, воды принесите, самовар, живо! Скорее вы, сороки! Что там с ужином? Перед гостем не позорьтесь, проклятые!

Женщины бросились к шатрам. Загадевшим детям Митро сунул горсть конфет, пряники, дал несколько мелких монет, улыбнулся на благодарные слова матерей. Обернувшись на негромкий оклик, зашагал к крайнему шатру.

¹ Будь счастлива (*цыганское приветствие*).

² Митро пришел! (*Здесь и далее — слова и фразы на цыганском языке. Прим автора*)

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА

Дед Корча не встал ему навстречу — лишь протянул морщинистую коричневую руку и жестом пригласил сесть рядом. Густые волосы с сильной проседью падали старику на плечи, усы и борода возле губ были желтыми от табака. В вырезе широко распахнутой рубахи мелькала загорелая грудь. Темно-карие, блестящие, по-молодому живые глаза улыбались гостю.

— Будь здоров, морэ. Снова к нам? Варька из-за тебя на весь табор раскричалась. Сейчас ужинать будем. Эй, бабы, трубку!

У огня суетилось несколько женщин. На окрик старика метнулась самая молодая из них, влетела в шатер, чинно вынесла из него длинную трубку, подала, перекидывая из ладони в ладонь, уголек из костра.

— Видишь — сына женил, — объяснил дед Корча, прижимая большим пальцем — сплошной мозолью — уголек в трубке. — Хоть и не принято невестку хвалить, но — чистое золото.

Молодуха вспыхнула, торопливо отошла к костру. Старики проводил ее довольным взглядом. Весь табор был семьей деда Корчи, и если число своих детей он помнил твердо — двенадцать, а подсчитывая внуков, колебался между четырьмя и пятью десятками, то невесток, зятьев, племянников и правнуков не пытался даже перечислить. Упомнишь их всех разве? Здоровы — и слава богу.

Митро опустился на вытертый до основы, покрывшийся росой ковер. Из уважения помолчал, дожидаясь, пока старики раскурят трубку, отыскал глазами красное платье Варьки. Девушка возилась над котелком у соседнего

Барыня уходит в табор

шатра. Поймав взгляд Митро, несмело улыбнулась и тут же, спохватившись, сжала губы, прикрывая некрасивые, выпирающие вперед зубы. Митро бросил ей подобранную картошку. Варька ловко поймала ее в фартук, высыпала в помятое ведро, понесла к огню.

Дед Корча выпустил изо рта клуб дыма. Покосившись на Митро, чуть заметно усмехнулся:

— Вижу, опять за тем же приехал.

— За тем же, — не стал отпираться Митро. — Голос... Голос ее жалко, понимаешь, морэ? Не в обиду будь сказано, только кому он тут нужен?

— Что, в хоре своих голосов не стало?

— Почему, есть... — Митро не мигая смотрел в бьющееся пламя. — Что Смоляко говорит?

— Илья-то? А что он скажет... Не знаешь его? Одни кони в голове. Весной на Кубани стояли, так он целый косяк откуда-то пригнал. Тем же месяцем на ярмарке сбыли, большие деньги взяли. Меняет, продаёт — настоящий цыган! Зачем ему в город?

— Кофарить¹ и в Москве можно.

— А как же, слышали... — В сощурившихся глазах старика пряталась насмешка. — Как понаедут в табор хоровые, в золоте все, носы до небес задирают — господа! А сами такие же кофари, как наши. Еще и не знаешь, кто на ярмарках громче орет. У ваших-то голоса покрепче!

Митро пожал плечами, промолчал. Над полем спускались сумерки. С недалекой речушки потянуло туманом,

¹ Барышничать.

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА

в небе робко, по одной зажигались первые звезды. Мимо шатра, смеясь и болтая, пробежала стайка девушек — рваные юбки, босые ноги, увядшие ромашки и васильки в спутанных косах. Одна из них окликнула Варьку, и та, вскочив, кинулась следом. В посвежевшем воздухе отчетливо слышалось стрекотание кузнечиков.

Со стороны реки донесся нарастающий конский топот. Дед Корча подмигнул Митро:

— Вон скачут. Поговори с ним сам, может, послушает.

Из тумана, ворвавшись в очерченный костром круг света, галопом вылетели всадники. С десяток молодых цыган, еще мокрых, взлохмаченных, на ходу попрыгали с лошадей, и тишина разбилась смехом, криком и ржанием.

— О, Митро! Арапо!¹ Чтоб тебе золоту счет потерять, здравствуй!

— Будьте здоровы, чавалэ. Чтоб ваши... — начал Митро обычное приветствие и, перебивая самого себя, вдруг со страстным стоном выдохнул: — О, дэвлалэ, дэвлалэ, дэвлалэ-э-э...

Одним могучим прыжком он вскочил с ковра. С расширившимися глазами сделал несколько шагов к лошади, которую сдерживал под уздцы один из парней. Зажмутившись, схватился за грудь, словно ему не хватало воздуха. Цыгане вокруг понимающие усмехнулись, отошли, давая посмотреть.

¹ Прозвище от «арап». В среде цыган прозвища заменяли фамилии и иногда даже имена.

Барыня уходит в табор

Это был красивый чагравый¹ жеребец с тонкими, сильными ногами, кругой шеей и густой нестриженой гривой. Еще разгоряченный после скачки, он не желал униматься, перебирал копытами, просился на волю, умоляюще кося на хозяина фиолетовым блестящим глазом. Жадный, опытный взгляд бывалого кофаря мгновенно определил: порода! Митро проворно залез под брюхо коня, завертелся там, восхищенно вздыхая. Дрожащим от нежности голосом запросил:

— Но-о-ожку дай, ножку, ножку... Ах ты, душа моя, красавец, солнышко... Ах ты, маленький, серебряный мой... Всех бы баб за тебя, сестер всех отдал бы... Ни одна, дурища, не стоит... Илья! Смоляко! Где взял??!

Цыгане негромко рассмеялись, но Смоляко² даже не улыбнулся. Лишь пожал плечами и любовно отер круп коня рукавом рубахи. Он, как и его сестра Варька, не был красив. Крутые скулы, жесткий подбородок, большой нос с горбинкой, мохнатые брови, сросшиеся на переносице, делали Илью старше его двадцати лет. В черных, чуть раскосых глазах с голубоватым белком никогда не мелькало улыбки. Темная, редкая даже для цыган смуглota лица полностью оправдывала прозвище. В курчавых волосах парня еще блестела вода, на груди, чуть ниже худых, сильных ключиц, светился крестик на истлевшем шнуре. С минуту он молча наблюдал за копошащимся под брюхом жеребца Митро. Затем спросил:

¹ Пепельной масти с черными гривой и хвостом.

² Прозвище от «смоляной».

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА

— Заночуешь там, брат? Скажи, Варька подушку привнесет...

Цыгане грохнули хохотом. Взлохмаченный Митро выбрался на траву, встал, не сводя с коня глаз.

— Меняешь?! Душу положу! На колени встану!

Илья мотнул головой, но Митро не унимался:

— Двух донских трехлеток за него дам! Завтра на Конную приходи, поглядишь! Золото, а не кобылки, не пожалеешь! Дорогой ты мой, все, что хочешь, отдам! Ну — по рукам?

Илья отвернулся. Митро подозрительно сощурился, прикидывая — не пытается ли тот набить цену. Но некрасивое лицо парня не выражало ничего. Митро, разом сгорбившись, опустился на траву, огорченно вздохнул. Долго молчал. Наконец, собравшись с силами, выговорил:

— И черт с тобой. Сам катайся... Менял или так взял?

— Взял под Орлом, у гаджо¹ из усадьбы, — в голосе Ильи проскользнула чуть заметная хвастливая нотка. — Остальных продал. А этого... Ну не могу его менять!

— Еще бы... — Митро, не выдержав, снова встал, ласково погладил большую голову жеребца, бережно выпутал из гривы комок репейника. — Только таких лучше сразу сбывать, а то мало ль что...

— Месяц прошел. Не найдут.

С лошадей разговор сам собой перешел на московскую конную торговлю; в него охотно вступили и другие цыгANE, кружком рассевшиеся у шатра деда Корчи. Над табо-

¹ Нецыган. Здесь — господин, барин.

Барыня уходит в табор

ром совсем стемнело, перед каждой кибиткой легли дрожащие круги света. Костры догорали, обращались в угли. По лицам цыган прыгали красные блики. Варька сидела у котелка, задумчиво мешала в нем ложкой. Поглядывая на шевелящиеся у полога шатра тени, запела:

Ай да, мири доля, мири бедная...
Пропадаю мэ, ромалэ, боже мой...

Сильный низкий голос поплыл по табору. Разговор у шатра деда Корчи прекратился. Митро оторвался от чаравого жеребца, обернулся, пристально посмотрел на Варьку. Вполголоса подтянул:

Пропадаю ни за что, хорошая моя...

Варька просияла и забрала вдруг так высоко и щемящее, что Митро, смущенно осекшись, умолк. Кто-то другой, от соседнего шатра, подхватил песню, затем вступили еще несколько голосов. Цыгане один за другим подходили к углем. Песня поплыла в черное поле, высоко над которым стояла луна. Митро слушал, закрыв глаза, силясь проглотить вставший в горле комок. «Ах, черт... Ах, черт...» — повторял он про себя. По спине бежали мурашки.

— Что, в Москве не так поют?

Митро вздрогнул, очнулся, повернулся на голос. Стоящий рядом Илья не пел. В темноте его лицо казалось совсем черным, ярко блестели белки глаз.

— Знаешь, чаво¹, кто ты? — помолчав, спросил Митро.

— Ну?

¹ Парень.

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА

— Пень безголовый. Не обижайся. Сто раз я тебя про-
сил! Сам знаешь, сколько наших на конных барышнича-
ют. Без лошадей не останешься, не бойся. А то, что Варь-
ка в хоре большие деньги будет получать, — заботиться
могу.

— Опять? — сердито спросил Илья. — Я тебя тоже
прошу — хватит с этим! Варьку — в город? Перед пьянью
в кабаке кривляться? За деньги?!

— Да ты рехнулся?! — взорвался Митро. — Кто ее кри-
вляться заставит, голова дубовая! Мозгами-то пораскинь,
чаво, я дело говорю, а ты!.. Ну и сиди здесь, лошадям хво-
сты крути! Что ты здесь имеешь, сам скажи... Бричку эту?
Шатер драный? Две клячи на трех ногах?!

— Клячи?! — взвился Илья. — У меня — клячи?! Сам ты
на трех ногах!

Митро вскочил. Они стояли грудь к груди у догораю-
щих углей, уже готовые вот-вот сцепиться. Но дед Корча
негромко покряхтел, не поднимая головы, и Митро сразу
пришел в себя.

— Молодой еще грозить мне, — сказал он спокойно. От-
вернулся, заговорил о чем-то с подбежавшими цыганами
и пошел с ними прочь.

Илья, сжав кулаки, смотрел ему вслед. У его ног на огне
бешено бурлил котелок.

— Варька, ослепла?

— Вижу, — сдавленно сказала сестра, наклоняясь над
варевом.

Илья сумрачно смотрел в огонь. Сквозь зубы спросил:

— Чего ревешь, дура?

Барыня уходит в табор

— Ничего, — не поднимая головы, прошептала Варька. — Сейчас готово будет. Садись.

— Не хочу, — зло сказал он. Шагнул через угли и исчез в темноте.

От табора Илья ушел к реке. Здесь, на излучине, туман рассеивался, и серебристая лунная дорожка бежала по черной воде к заросшему камышом берегу. Тоскливо кричали лягушки. Над головками камышей бесшумной тенью пролетел лунь. Внезапный порыв ветра донес от табора отзвуки голосов, лошадиного ржания, а через минуту все стихло. Илья отошел к копне сена, сметанной кем-то у самого берега. Сел в сырую от росы траву, обхватил колени руками. Задумался.

За спиной послышались медленные шаги. Илья обернулся. Увидев приближающегося деда Корчу, растерянно вскочил.

— Сиди, — махнул рукой тот, с кряхтением опускаясь в траву. Но Илья не решался сесть, и старику пришлось потянуть его за рукав. — Садись, говорят тебе. Ну и роса сегодня! Завтра жарко будет...

Илья настороженно молчал.

— Что Арапо? Обиделся? — наконец спросил он.

— Много чести — обижаться на тебя. Совсем совесть потерял?

Илья опустил голову. Сорвал головку репейника, повертел ее в пальцах.

— Не хочу в город.

— Не хочет он... — хмыкнул старик. — Привяжут тебя там, что ли? Не понравится — вернешься. Мы зимовать